

УДК 8.82-32

**ПОЭТИКА ОЖИВШЕЙ МАТЕРИИ В РАССКАЗЕ Б.ШУЛЬЦА
«УЛИЦА КРОКОДИЛОВ»**

Т.А. Кашкан

*Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь, kashkanbsu@gmail.com*

В статье рассматриваются ключевые художественные приемы Б.Шульца в рассказе «Улица крокодилов»: синкретизм восприятия, развернутая метафора, олицетворение, градация и гипербола. Особое внимание уделяется мифологическому компоненту, библейским аллюзиям и их роли в создании целостности авторского замысла. Показано, как писатель стирает границу между живым и неживым, оживляя не только предметы, но и дистанцию, цвет, звук, само пространство.

Ключевые слова: поэтика; Бруно Шульц; авторский замысел; библейские аллюзии; поэтическая система; симулякр.

Бруно Шульц оставил колоссальный след не только в польской, но и в мировой литературе XX века. Из-под его пера вышли два сборника рассказов «Коричные лавки» (1934) и «Санатория под клепсидрой» (1937), которые принесли ему мировую славу. Произведения писателя представляют огромный научный интерес для литературоведов и исследователей его творчества, среди которых Д. Гроссман, Б. Хазанов, У. Риккарелли, Е. Фицовский. Проза «Кафки из Дрогобыча» повлияла на творчество таких писателей, как Б. Грабал, Д. Киш, Ф. Рот, И. Башевис-Зингер, Дж. С.Фоер [2, с.116].

Материалом для нашего исследования послужил рассказ писателя «Улица крокодилов» (Стрыйская улица в Дрогобыче), которая писателю, как жителю города, сама улица знакома, однако он ощущает себя здесь чужим [1, с.85], поэтому в рассказ Б. Шульц вкладывает свое личное отношение к улице. Для него неприемлема царящая здесь атмосфера буржуазности: «улица Крокодилов была концессией нашего города по части современности и столичного порока» [4, с.83].

«Улица крокодилов» находится в сборнике между «Коричные лавки» и «Тараканы» и несет глубокий смысл, подчеркивая внутреннюю связь рассказов, и цельность замысла автора. В основе этой целостности лежит мифологический компонент, который скрепляет и является основополагающим для прозы писателя, о чем он сам и писал: «поэзия распознает утраченные смыслы, возвращает словам их место, объединяет их в соответствии с древними значениями... Поэтому всякая поэзия – мифологизирование, возвращение к воссозданию мифов о мире» [1, с.89]. Этот мифологический подтекст ярче всего проступает в образе отца. Отец главного героя Якуб является центральным персонажем, по мнению главного исследователя творчества писателя Е. Фицовского, «едва ли не в библейских измерениях» [3, с.31]. На самом деле можно провести параллель между Якубом, который хромал и травмой бедра у Иакова; стремянкой Якуба и лестницей, которую

увидел Иаков во сне лестницей, соединяющей землю с небом. Также прослеживаются отсылки к библейскому архетипу «вавилонской блудницы» (городу как символу нравственного падения). А в гневных интонациях повествователя, направленных против духа повального торгашества и пошлой буржуазности, прослеживаются отсылки к речам ветхозаветных пророков [1, с.90].

Однако ключевым художественным приемом, позволяющим Б. Шульцу воплотить мифологическое сознание, становится особая анимация, оживление материи. Одним из важнейших способов оживления материи в «Улице крокодилов» становится синкретизм восприятия – смешение зрения, осязания, вкуса и слуха в образе. Б. Шульц не просто описывает предмет, но наделяет его плотной материей ощущений, которая провоцирует отклик у читателя.

Этот синкретизм наглядно проявляется в развернутых метафорах, которые перестают быть просто украшением текста, а событиями онтологического сдвига:

- *«бледно-золотая лента Тысменицы»* – река наделяется качествами текстиля и драгоценности, становясь частью декоративного убранства земли.

- используя метафору *«шахматная доска округлых взгорий»*, писатель намекает на иррациональную логику пространства, где холм является входом в партию, которую ведет судьба.

- *«соты темного меда»* – тени описываются через вязкую, сладкую, густую субстанцию. Это не просто визуальный образ, но и смешение зрения и осязания.

Благодаря такому синкретизму материя утрачивает пассивность, однако Б. Шульц идет дальше, он оживляет не только предметы, но и само пространство. Мир улицы оказывается телом без органов, где каждая часть пространства обладает способностью ощущать.

Чтобы управлять этой анимацией и погружать читателя в постепенно разворачивающийся сюрреалистический мир, Б. Шульц использует особые композиционные приемы. Писатель умело управляет вниманием читателя с помощью градаций, часто усиливая их гиперболами:

- градация *«вначале отдельными и редкими, потом густевшими вереницами»* – не просто описание холмов, это моделирование процесса узнавания. Читатель движется вместе с взглядом от пустоты к насыщенности, от одиночества к толпе.

- гипербола *«уменьшавшихся и бледневших»* – обратная перспектива. У писателя удаление от наблюдателя не умерщвляет объект, а трансформирует способ его существования. Чем дальше холм или дом, тем менее он реален в привычном смысле, но тем более он бледнеет как сущность, то есть обретает черты призрака, фантома, полуживого существа.

- гипербола *«занимала чуть ли не полкомнаты»* – здесь не столько преувеличение размера картины, сколько показатель погруженности субъекта в изображение.

Это отличает шульцевскую анимацию материи от классического олицетворения (Н.В. Гоголь, Г.Х. Андерсен). У писателя оживает не только предмет, но и дистанция, степень удаленности, сама оптическая перспектива.

Если в приведенных выше примерах оживала природа и пространство, то в отношении города и его обитателей Б.Шульц использует олицетворение с противоположной целью, чтобы подчеркнуть механистичность и пустоту современного города:

- «*город рос на зрителя*» – здесь глагол «расти» стирает грань между естественным ростом и искусственным. Город как бы «наступает» на зрителя.
- «*тени драматизировали и оркестровали*» – мир «Улицы Крокодилов» является театром теней, где нет настоящих актеров есть лишь их силуэты, управляющие хаосом.

Через олицетворение неживого Шульц приходит к трагическому выводу об омертвлении живого. Поэтика рассказа приводит к образу «марионетки»: жители района – куклы, которые подчиняются деньгам, моде и т.д. Олицетворение проявляется в том, что вещи «живут» более подлинной жизнью, чем люди.

Данные приемы работают не изолированно, а в системе, где каждое средство усиливает другое, создавая эффект дышащей реальности. Метафора подготавливает синкретический образ, олицетворение запускает механизм анимации, градация контролирует появление чудесного, а гипербола не позволяет читателю расслабиться в рамках обыденной логики. В результате «Улица крокодилов» это не только географическое место, а онтологическая ловушка: пространство, которое одновременно манит и отталкивает, кажется подлинным, но дает лишь симулякр.

Отдельного внимания заслуживает семантика цвета в рассказе, напрямую связанная с оживлением материи. Цвет у писателя – это состояние вещества, его температура, пульс. В рассказе отсутствуют обычные цвета (красный, зеленый, синий), поскольку «Улица Крокодилов» – это мир, где материя не умерла, но и не достигла полной жизни, застыв в промежуточной стадии.

Важно подчеркнуть и звуковой слой поэтики Б. Шульца. В рассказе постоянно проступает слуховой фон: шуршание, шелест, приглушенные голоса. Этот меланхолический звук, голос умирающей субстанции, которая еще помнит, когда она была жива.

Таким образом, мир у Бруно Шульца оживает через слово, а художественные средства служат инструментом этой анимации. Фундаментом поэтики выступают мифологическое сознание и синкретизм восприятия. Писатель создал уникальную систему, в которой доминируют развернутые метафоры и олицетворения. Градация моделирует процесс постепенного погружения в сюрреалистическое пространство, а гипербола отражает субъективность восприятия, где реальность не фиксируется, а постоянно перетекает в свои подобию и призраки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Барабаш, Ю. Я. Улица Крокодилов / Невский проспект. И за их пределами. Бруно Шульц и Гоголь – встреча на пограничье / Ю. Я. Барабаш // *Studia Litterarum*. – 2018. – Т. 3, № 2. – С. 80–101. – DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-80-101.
2. Кашкан, Т. А. Художественное своеобразие прозы Б. Шульца / Т. А. Кашкан // Национальные культуры в межкультурной коммуникации : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 7–8 апр. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Т. Д. Рабец (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2023. – С. 116–118.
3. Фицовский, Е. Регионы великой ереси и окрестности. Бруно Шульц и его мифология / Е. Фицовский. – М. : Мосты культуры, 2012. – 528 с.
4. Шульц, Б. Коричные лавки / Бруно Шульц ; пер. с польского А. Эппеля. – М. : Эксмо, 2025. – 352 с.

**THE POETICS OF ANIMATED MATTER IN B. SCHULTZ'S STORY
"THE STREET OF CROCODILES"**

T.A. Kashkan

*Belarusian State University
Minsk, Belarus, kashkanbsu@gmail.com*

This article examines B. Schultz's key artistic techniques in his story "The Street of Crocodiles": syncretism of perception, extended metaphor, personification, gradation, and hyperbole. Particular attention is paid to the mythological component, biblical allusions, and their role in creating the integrity of the author's concept. It shows how the writer blurs the boundaries between the living and the inanimate, animating not only objects but also distance, color, sound, and space itself.

Keywords: poetics; Bruno Schulz; authorial concept; biblical allusions; poetic system; simulacrum.